

УДК 343.815

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ЛАГЕРЯ И ИНЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Николина Грбич-Павлович¹.@

¹ Управление полицейской подготовки Министерства внутренних дел Республики Сербской, 78000, Босния и Герцеговина, г. Баня-Лука, б-р Воеводы Живоина Мишича, 10а

@nikolinagrbc@blic.net

Поступила в редакцию 16.05.2018. Принята к печати 29.06.2018.

Ключевые слова: исправительные лагеря, несовершеннолетние правонарушители, калифорнийские модели.

Аннотация: Статья посвящена североамериканскому опыту обращения с несовершеннолетними правонарушителями в условиях исправительных лагерей. В подобного рода специальных учреждениях в отношении подростков реализуются военизированные программы индивидуальной профилактики, предполагающие строгую дисциплину, интенсивные занятия и тяжёлый труд. Такой подход к молодым преступникам получил широкую популярность как среди политиков, так и в обществе. Основное внимание в работе уделено пробационным лагерям и ранчо, действующим на территории штата Калифорния. На примере конкретных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей показаны особенности традиционной и миссурийской моделей, модели дикой природы, а также военизированных лагерей как в плане установленного в них режима, так и в плане реализуемых ими образовательных, терапевтических, реабилитационных, культурно-досуговых и прочих мероприятий. Приводятся аргументы и сторонников, и противников системы лагерей для несовершеннолетних как альтернативы тюремному заключению. Предлагаются меры по совершенствованию ювенального уголовного законодательства в Боснии и Герцеговине, в частности введение в качестве альтернативного наказания для данной категории осуждённых помещения в закрытые специализированные учреждения, аналогичные североамериканским лагерям, с учётом региональной специфики.

Для цитирования: Грбич-Павлович Н. Исправительные лагеря и иные специальные учреждения для несовершеннолетних // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 77–85.

Идея создания исправительных лагерей для лиц, совершивших преступления, распространяется в Северной Америке в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [1]. Сначала такая форма исполнения наказания была предложена для взрослых, но уже к 1996 г. существовало 48 лагерей для несовершеннолетних в 27 штатах, причём лишь один из этих лагерей был создан до 1990 г. [2, р. 29].

На основании принятого в 1994 г. Акта о преступлениях (*Crime Act*) Министерству юстиции на содержание уже существующих и на создание новых лагерей было выделено 12 млн долл. Одновременно с этим Американская ассоциация содействия улучшению условий тюремного содержания (*American Correctional Association*) разработала стандарты деятельности таких лагерей, выполнение которых является условием получения государственного финансирования. Есть лагеря, находящиеся в ведении федерации, лагеря, подведомственные штатам, и частные лагеря. Большинство лагерей являются федеральными, однако они созданы в различных формах с присущими им особенностями. Частные лагеря, как правило, не предназначены для исполнения мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних; в эти учреждения родители могут направить своих детей, с воспитанием которых они не справляются. К этим лагерям не предъявляются

какие-либо общие требования, и они не подлежат государственному контролю [2, р. 29], что представляется главным недостатком их организации.

Лагеря для несовершеннолетних в своём развитии прошли несколько поколений. Так, философия первого поколения лагерей для молодёжи сводилась исключительно к военной дисциплине, физическим тренировкам и тяжёлому труду [3, Вл. 176]. Во втором поколении к этому добавлена реабилитация – реализация программ избавления от алкогольной и наркотической зависимости, а также социальные тренинги по организации дня в лагере. Здесь появляется идея предоставления несовершеннолетнему поддержки и после лагеря. Так, по освобождении из лагеря воспитанники ещё в течение некоторого времени подлежат наблюдению с помощью электронных браслетов на ногах и подвергаются регулярным медицинским освидетельствованиям [4, р. 2]. Третье поколение лагерей для молодёжи отличается наличием в их профилактических программах ярко выраженных воспитательных компонентов (например, в таких лагерях организуется преподавание).

Существуют и другие виды лагерей, которые в последние годы становятся всё более популярными. В них вместо военной дисциплины и физических упражне-

ний практикуется обучение методам выживания в дикой природе. Таким образом, молодой человек, склонный к правонарушениям или страдающий нездоровой зависимостью, побуждается к изменению своих привычек и образа жизни: столкнувшись с жизненными трудностями, он приобретает навыки, позволяющие ему ответственно относиться к своему будущему. В Канаде такие программы распространены шире, нежели военно-воспитательные лагеря [5, str. 61]. С 1971 г. исправительные лагеря, в которых реализуются программы, направленные на избавление от наркотической зависимости и коррекцию поведения несовершеннолетних, совершивших преступления под влиянием наркотиков, действуют и в Новой Зеландии.

Кроме того, существуют трудовые лагеря, в которые помещаются лица, условно освобожденные из мест лишения свободы или осужденные к мерам наказания без изоляции от общества. Для них в условиях таких лагерей организуется трудовая терапия, являющаяся составной частью возлагаемых обязанностей. Заслуживает внимания пример Германии, в которой начиная с 2003 г. в рамках системы социальной защиты реализуется проект специальных ферм (самая известная – *Seehaus*), где в течение 12–18 месяцев подросток-правонарушитель приспосабливается к жизни и учится самостоятельно нести ответственность за своё прежнее, нынешнее и будущее поведение [5, str. 61].

Во время пребывания в лагере молодой человек изолирован от общества, и с ним обращаются примерно так же, как во время прохождения армейской подготовки [4, р. 2]. В исправительные лагеря помещаются, как правило, несовершеннолетние, которые ещё никогда не содержались в подобных или других учреждениях закрытого типа и которые не были осуждены за преступления с элементами насилия. Таким образом, большинство лагерей предназначено для тех, кто впервые вступил в конфликт с законом. В лагеря для несовершеннолетних не помещаются лица, не достигшие 13- или 14-летнего возраста. Для этой меры характерен элемент добровольности, поскольку осуждённые вправе выбирать, желают ли они отбывать наказание в обычном пенитенциарном учреждении или в одном из лагерей. Последнее зачастую означает и меньший срок заключения [6]. Как правило, в лагерях, несмотря на сокращённые по сравнению с традиционными учреждениями сроки содержания, осуществляется более интенсивное воздействие благодаря элементам милитаристской модели [7, р. 123]. Большинство лагерей предназначено исключительно для несовершеннолетних мужского пола. Однако в 13 штатах США имеются *boot camps* с программами для лиц женского пола [8].

Порядок функционирования лагерей для молодёжи варьируется в зависимости от «философии» учреждения. В некоторых из них очень много времени (до пяти часов в день) отводится военизированным занятиям (тренировкам, строевой подготовке, физическому труду и т. п.); в других – реабилитационным мероприятиям (индивидуальным и групповым консультациям, привитию жизненных навыков, обучению и лечению

от наркомании). Все эти меры носят рутинный характер, что призвано дисциплинировать правонарушителей и мотивировать их к соблюдению закона после выхода на свободу.

В лагерях несовершеннолетние делятся на отряды, при этом порядок, рутинные занятия, дисциплина, экстремальные физические нагрузки и т. п. виды активности приводят к тому, что у несовершеннолетних остаётся очень мало (или вообще не остаётся) свободного времени. Жизнь отряда протекает в соответствии со строгими правилами, напоминающими армейские. Так, за плохое поведение одного из членов отряда наказывается весь отряд (например все отжимаются). Надзиратели в лагерях очень часто используют грубую речь, стремясь сломить сопротивление заключённых и добиться положительных изменений в их поведении.

Эта мера соединяет в себе «шоковое» заключение с военной дисциплиной. Практически во всех лагерях первые 7–10 дней обозначаются как «этап втягивания» (*intake phase*), задача которого состоит в том, чтобы физически и психически вымотать, «сломать» заключённого (*to break inmates down*). Во время приёма правонарушители стоят по стойке «смирно» (иногда лицом к стене), пока им разъясняют требования программы; обращаются к персоналу «господин» или «госпожа»; просят разрешения, прежде чем что-то сказать; представляются как «правонарушитель такой-то» и т. д. Кроме того, их бреют наголо, заставляют повторять правила лагеря и учат стоять смирно, не говоря уже о тяжёлых физических тренировках, стилизованных под военные учения и ориентированных на то, чтобы изменить представления несовершеннолетних и сделать из них «хороших солдат» [5, str. 58].

За этим следует этап «перестройки» заключённого (*building inmate back up*), в течение которого несовершеннолетнему объясняется, как пребывание в лагере изменит его жизнь и как ему в дальнейшем будет хорошо, если он станет соблюдать закон и правила человеческого общежития. По мере дальнейшего отбывания наказания заключённые в зависимости от их поведения получают всё больше привилегий и несут всё большую ответственность. Внешне это может выражаться в ношении униформы разных цветов. Те, кто успешно выдерживает до конца всё физическое и психическое давление, торжественно отпускаются на свободу; на эту церемонию могут быть приглашены члены семьи [9, р. 88].

Рассмотрим различные модели специализированных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей на примере Калифорнии.

В этом штате имеется 58 округов, в которых действует 67 пробационных лагерей и ранчо, в том числе 5 – для лиц женского пола. Наибольшее число лагерей (19) находится в Лос-Анджелесе. В среднем за год через пробационные лагеря проходит 3880 (89 %) юношей и 480 (11 %) девушек. Основным источником средств для содержания пробационных лагерей является Государственная программа финансирования лагерей и учреждений для несовершеннолетних (*JPCFP*), в рамках которой всем субъектам, «предо-

ставляющим услуги превенции посредством заключения», ежегодно выделяется свыше 151 млн долл. Кроме того, окружные пробационные лагеря и учреждения финансируются за счёт налогов, сборов и различных штрафов, а также за счёт дополнительной адресной помощи от штата и федерации [10, p. 13].

Все пробационные лагеря в Калифорнии имеют схожие программы, предполагающие образование различных ступеней, обучение определённым профессиям, консультации и групповую терапию. Тем не менее от округа к округу имеются различия в применяемых подходах и наборе предоставляемых услуг.

Традиционная модель (Conventional Model) коррекционных лагерей предполагает полностью закрытые объекты, обнесённые оградой, в которых могут содержаться в среднем от 45 до 100 и более юношей [11, p. 224–226]. По такому же типу организованы пять пробационных лагерей для девушек. Спальные корпуса построены в виде общежитий, а из специального бункера, находящегося рядом с управляющим центром, персонал может вести круглосуточное наблюдение. Согласно установленным законом стандартам наблюдение в течение дня осуществляется как минимум одним охранником на 15 несовершеннолетних, а в течение ночи – как минимум одним охранником на 30 несовершеннолетних (см.: California Code of Regulations, Minimum Standards for Juvenile Facilities, Title 15-1-1-5, Art. 3, Sec. 1321 – Staffing). Распорядок дня начинается с переключки и завтрака. Затем следуют школьные занятия с перерывом на второй завтрак и послеобеденным перерывом.

Во всех лагерях проводятся утренние и послеобеденные занятия в рамках образовательных программ, предусмотренных Сводом правил Калифорнии (California Code of Regulations, Title 15-1-1-5, Art. 6, Sec. 1370 – Education Program). Помимо этого, та же ст. 6 предусматривает развлечения и упражнения (Sec. 1371 – Recreation, Programs and Exercise), религиозные обряды (как минимум раз в неделю – Sec. 1372) и трудовое воспитание, призванное привить навыки по определённой профессии (Sec. 1373). В большинстве обычных лагерей завтрак проходит в столовой, где у несовершеннолетних практически нет времени на разговоры. В тех лагерях, где нет столовой, но есть кухня, приём пищи может осуществляться прямо в жилых помещениях, в которых несовершеннолетние занимаются своей повседневной деятельностью. В некоторые лагеря еда доставляется из близлежащих столовых [10, p. 14].

В некоторых традиционных лагерях несовершеннолетним в течение этого перерыва как награда за хорошее поведение предоставляется возможность участия в развлекательных мероприятиях. После завтрака и новой переключки продолжают занятия, начавшиеся утром. В некоторых лагерях реализуются комбинированные программы воспитания и обучения или профориентации. Эти занятия обычно продолжаются до вечера. До и после ужина несовершеннолетним разрешаются развлечения [12]. Одни лагеря предоставляют возможность посещать сертифицированные курсы кулинарии, модного дизайна и информатики,

другие предлагают аналогичные, но несертифицированные программы. Важным фактором является то, что все лагеря предлагают различные индивидуальные и групповые консультации и курсы терапии: лечение от алкогольной или наркотической зависимости, лекции о бандах, тренинги, обучающие справляться со злобой. В качестве стимула для несовершеннолетних, демонстрирующих хорошее поведение в ходе реализации программы, вводится система баллов, набирая которые, несовершеннолетние получают некоторые льготы вроде добавочного питания, дополнительных развлечений, права смотреть телевизор и т. п. Большинство исправительных лагерей, существующих в Калифорнии, а именно 52, относятся к традиционной модели [10, p. 14–20].

С учётом того, что в нашем уголовном праве применение к несовершеннолетним наказания в виде тюремного заключения однозначно считается *ultima ratio*, было бы неверным рассматривать данную модель пробационных лагерей в качестве адекватной замены подобного наказания. Традиционная модель пробационных лагерей могла бы у нас заменить некоторые институционализированные воспитательные меры, в частности меру помещения в воспитательное учреждение. В этом плане подобная модель лагерей могла бы довольно широко применяться.

Модель дикой природы (Wilderness Model) представлена в Калифорнии двумя лагерями – в Лос-Анджелесе и в Солано. В обоих лагерях есть общежития и отдельно расположенные помещения для различных занятий, столовые, учебные классы и т. п.

Лагерь *Routh* в Лос-Анджелесе предназначен для несовершеннолетних мужского пола старше 18 лет, которым участие в программе лагеря определено судом или которые добровольно изъявили желание участвовать в этой программе и чьё перевоспитание другими методами оказалось безуспешным. В этом лагере может проживать до 90 лиц в течение срока от шести месяцев до одного года. Помимо укрепления дисциплины, в лагере проводится обучение по программе молодых пожарных. Распорядок дня в лагере включает в себя утреннюю переключку, упражнения, приём пищи и противопожарную подготовку. Во время противопожарной подготовки несовершеннолетние учатся бороться с огнём, что предполагает интенсивные физические тренировки и дисциплинированную работу в команде. Теоретическая подготовка включает в себя обучение методам локализации и тушения пожаров. Во время серьёзных лесных пожаров лагерные команды находятся на переднем крае борьбы с ними, вместе с профессиональными пожарными и другими службами. Несовершеннолетние обязаны осваивать школьную программу.

Лагерь *Colusa* в Солано представляет собой большой открытый кампус, территория которого не имеет ограждений и вообще чётких границ, поскольку находится это заведение в национальном парке, вдали от населённых пунктов. Лагерь подведомствен Департаменту пробации округа Солано (*Solano County Probation Department*). В лагере проводятся утренние

и послеполуденные занятия по образовательным программам, а также осуществляются иные предусмотренные распорядком дня мероприятия. Ежедневно работающий по контракту терапевт проводит консультации и сеансы терапии, направленные на изменение поведения. Несовершеннолетние, успешно выполняющие программу, поощряются возможностью проводить выходные, бродя весь день по горным лесам и совершая прогулки к отдалённым минеральным источникам, где они могут узнать от лесника много нового об охране леса. В лагере отводится небольшое количество часов на профессиональное обучение, однако эти программы не сертифицированы.

Природные лагеря готовы оказать несовершеннолетним любую помощь в реализации ежедневных программ, обучить их пожаротушению и другим навыкам. Вместе с тем в порядке критики, как правило, отмечается, что в лагерь юных пожарных могут направляться лишь несовершеннолетние старшей возрастной группы, которые ещё на год остаются в рамках ювенальной системы, и что существующий порядок финансирования снижает или ограничивает возможности участия лагерей в тушении пожаров. Предлагается направлять в подобные учреждения и более младших несовершеннолетних, которые могли бы участвовать не в самом пожаротушении, а в последующих мероприятиях по расчистке и восстановлению лесов.

Подобные лагеря могли бы быть созданы и у нас для несовершеннолетних, учинивших как уголовные деяния, так и проступки. Жизнь на природе, учёба, консультации и терапия вполне подходят для того, чтобы добиться существенных улучшений в поведении несовершеннолетних.

Модель военизированных лагерей (boot camp) принята в десяти округах Калифорнии; такие лагеря насчитывают в общей сложности 700 мест. Режим в них адаптирован к младшим несовершеннолетним [13]. Основная цель подобных заведений состоит в том, чтобы научить молодых людей уважать авторитет. Само их название (англ. *boot* – сапог, ботинок) указывает на то, что они созданы по образцу учебных лагерей для солдат-новобранцев. Считается, что несовершеннолетний, успешно прошедший *boot camp*, способен в дальнейшем сам о себе позаботиться. Некоторые военизированные лагеря позволяют окончить сертифицированные курсы. Все лагеря предлагают различные консультации и терапевтические программы, но конкретный набор предоставляемых услуг варьируется от лагеря к лагерю.

Так, отдел пробации округа Фресно поддерживает программу с акцентом на военную дисциплину, с помощью которой несовершеннолетним пытаются привить уверенность в себе, уважение к другим людям и их собственности. Кроме того, в этом лагере несовершеннолетних учат преодолевать жизненные трудности и укрепляют их семейные и социальные связи.

В Санта-Барбаре действует лагерь для юношей *Los Prietos* на 40 мест, в который направляются, как правило, несовершеннолетние из прибрежной местности. Воспитанникам этого лагеря предоставляется

широкий набор терапевтических услуг, развивающих в них лидерские качества и иные личные способности, укрепляющих уверенность в себе, прививающих им чувство социальной и семейной ответственности. К каждому отряду в этом лагере прикреплен полицейский в качестве командира, который ответствен за проведение в отряде, поддержание дисциплины, физические занятия, групповую работу и т. п. Распорядок дня в лагере включает в себя школьные занятия пять дней в неделю, участие в рабочих группах, спортивных командах, групповых консультациях и психологических тренингах, при этом упор делается на работу в команде и кооперацию. Персонал окружного управления образования Санта-Барбары обеспечивает воспитанникам индивидуальные и дополнительные занятия, включая специальное обучение, когнитивно-бихевиоральную терапию, групповую терапию, лекции о вреде алкоголя и наркотиков и разные прочие терапевтические вмешательства [14]. Основная цель работы этого лагеря состоит в том, чтобы его воспитанники успешно реинтегрировались в семью, в школу и в общество.

Boot camps в Риверсайде, Мадере и Юбе представляют собой более традиционные лагеря подобного типа, в которых установлена военная дисциплина, а с содержащимися в них несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет обращаются как с кадетами. Эти лагеря обеспечивают терапевтическое вмешательство и обучение с включением семьи в процесс реабилитации. Лагерные программы предусматривают часы для лекций о наркотиках, о потерпевших, об общественно полезном труде, о необходимости избегать участия в уличных бандах, а также укрепление психического здоровья, развитие умения контролировать гнев и избегать стрессов, привитие позитивных социальных навыков. Участие семьи в перевоспитании обязательно и преследует такие цели, как укрепление семейной среды, налаживание общения несовершеннолетних с родителями и обеспечение контроля с их стороны. Эти программы призваны в совокупности с последующим интенсивным социальным контролем помочь молодому человеку научиться принимать правильные решения и жить, не совершая преступлений. Кроме того, лагеря разрешают своим воспитанникам участвовать в соревнованиях по футболу и бейсболу в рамках местных студенческих игр, организуемых Федерацией калифорнийских колледжей (*California Intercollegiate Federation*) [10, p. 17–18].

Наблюдение за несовершеннолетними после выхода их на свободу организуется по-разному. Большинство исследований показывает, что период сразу после выхода из лагеря критичен для всех несовершеннолетних. Ключевыми компонентами работы с ними в этот период являются интенсивные индивидуальные занятия (*face to face treatment*) в течение первых 6–12 месяцев после освобождения, электронное наблюдение, тестирование на наркотики, индивидуальные и семейные консультации и постоянная забота со стороны местного сообщества. Очень важно, чтобы пробационные служащие, которые надзирают за лицами, вышедшими из военизированных лагерей, были с ними лично зна-

комы, причём желательнее ещё до того, как те покинут стены учреждения [10, р. 16]. Сам по себе шок от заключения быстро проходит, если в дальнейшем отсутствует поддержка со стороны семьи и друзей и не решаются основные проблемы существования, включая проблему бедности. В любом случае необходимо обеспечить освобождаемым лицам доступное образование и трудоустройство.

Данная модель лагерей часто подвергается критике. Многочисленные исследования показывают, что *boot camps* не снижают процент рецидива среди несовершеннолетних. Далее ставится вопрос о том, надлежащим ли образом в военизированных лагерях организована система лечения несовершеннолетних правонарушителей и каково их влияние на последующее приспособление и поведение несовершеннолетних. Впрочем, по мнению некоторых, атмосфера в *boot camps* меняет несовершеннолетних в лучшую сторону. Сторонники таких лагерей считают, что содержание программ и профессиональный персонал непрерывно создают для несовершеннолетних позитивное окружение, в котором сводится к минимуму вероятность участия их в межличностных конфликтах (а значит и виктимизация), особенно в сравнении с традиционными исправительными учреждениями. Считается также, что военная модель укрепляет в несовершеннолетних дух товарищества и формирует у них уважение к персоналу. Критики же, напротив, настаивают на том, что лагерная среда по своему характеру прямо противоположна нормальным отношениям между людьми и что она не обеспечивает несовершеннолетним той поддержки, которая необходима для их позитивного развития. В этой среде нет надлежащих условий для качественной терапии: жизнь в лагере предполагает строгое наблюдение за несовершеннолетними, что может вызвать у них страх перед исправительными учреждениями, который вряд ли можно считать подходящим климатом для лечения и обучения. Кроме того, критики утверждают, что система отрядов не позволяет эффективно решать личные проблемы молодых людей, поскольку проблемы эти у всех разные. Отсюда делается вывод, что военная «философия» и чётко расписанный распорядок дня не могут способствовать решению проблем конкретного индивида.

Помимо этого, отдельные компоненты режима таких лагерей усложняют несовершеннолетним возвращение в общество: оказавшись вновь в среде, где нет строжайшей дисциплины и групповых занятий, они снова могут возвратиться к прежним моделям поведения. Несовершеннолетние могут воспринимать лагерную программу как жестокую, несправедливую или унижительную, учитывая, что за неподобающее поведение одного человека наказание несёт весь отряд [15, р. 2].

Так или иначе, *boot camps* существуют в округах Кингс, Мерсед, Мадера, Фресно, Туларе, Юба, Санта-Барбара, Вентура и Лос-Анджелес, а в округе Риверсайд имеется целых два военизированных лагеря [4, р. 1]. Более того, результаты исследований показывают, что лица, содержащиеся в подобных лагерях, оценивали свои условия жизни лучше, нежели заключённые в обычных исправительных учреждениях, что

объясняется несколькими причинами. Прежде всего, *boot camps* куда более селективны в плане приёма в них несовершеннолетних: для направления в большинство лагерей требуется заключение психологического, медицинского и физического обследований, так что туда, как правило, не попадают лица с психологическими проблемами или склонные к самоубийству. Кроме того, большинство сотрудников лагерей имеют возможность отбирать несовершеннолетних для своих программ; точно так же и сами несовершеннолетние могут записаться на определённую программу, что нелегко в обычных исправительных учреждениях. Наконец, если несовершеннолетнему в лагере было уделено больше внимания или он провёл больше времени, получая образование или проходя курс лечения, то не исключено, что он будет воспринимать *boot camp* скорее как «санаторий», нежели как «тюрьму». Впрочем у этих двух типов заведений обнаружено мало поддающихся измерению различий в плане терапевтической атмосферы; более того, некоторые из этих различий говорят не в пользу лагерей. Например, в обычных учреждениях имеется больше обучающего и медицинского персонала в расчёте на одного заключённого, нежели в военизированных лагерях. С одной стороны, можно сказать, что строгие правила, установленные в *boot camps*, объективно упрощают наблюдение за несовершеннолетними, что позволяет сократить численность персонала; однако это можно истолковать и таким образом, что каждому ребёнку здесь уделяется меньше внимания, чем в обычной тюрьме [4, р. 2].

Миссурийская модель. Санта-Клара – первый округ в Калифорнии, который преобразовал свои пробационные лагеря в небольшие жилые комплексы. Исследования показали, что помещение молодых людей в небольшие («домашние») охраняемые объекты с предоставлением им возможности участвовать в индивидуальных и групповых сеансах терапии со специалистом в области возрастной психологии повышают шансы на их перевоспитание [16]. Персонал таких заведений этнически неоднороден и специально обучен работе с молодёжью. Цель заключается в том, чтобы через установление связи несовершеннолетних с персоналом постепенно реинтегрировать их в общество. Основной принцип миссурийской модели – «лечение 24 часа в сутки». Сеансы терапии и все остальные формы деятельности, направленные на повышение личной ответственности и укрепление дисциплины, предполагают участие семьи. Модель семейной терапии предполагает, что пациент с его симптомами наблюдается не изолированно, а в контексте его семьи; при этом терапевт работает со всей семьёй, а не только с тем её членом, у которого «имеются проблемы», помогая всей семье разработать правила и структуры, определить модели поведения для каждого из поколений, а также роли и функции каждого члена семьи. Цель всего этого состоит в том, чтобы помочь членам семьи, разрешив имеющиеся между ними конфликты, развиваться в качестве полноценных индивидов в здоровой семье. Помимо модели семейной терапии,

используются методы когнитивно-бихевиоральной терапии и тренинги социальных навыков.

В каждом комплексе проживают группы по 10–12 человек, которые делят жизненное пространство и все вместе участвуют в академических занятиях и сеансах групповой терапии, которые проводятся пять дней в неделю по 90 минут. Эти сеансы построены таким образом, чтобы помочь молодым людям определить свою собственную идентичность, проанализировать свою семейную историю, а также научиться понимать свои чувства, распознавать негативные модели поведения и твёрдо от них отказываться [17].

Некоторые исследования показывают, что успешное прохождение программы должно подкрепляться постпенальной помощью, т. е. предоставлением различных видов поддержки осуждённым лицам в связи с их освобождением из учреждения; эта помощь считается в литературе одним из важнейших сегментов любой уголовно-исполнительной системы, особенно когда речь идёт о несовершеннолетних [18, str. 134]. Продолжительность поддержки после освобождения зависит от специфических потребностей молодого человека и семьи. Постпенальная помощь начинается ещё в период отбывания срока наказания, поскольку хорошо известно, что выход на свободу представляет собой шок, а жизнь вне стен учреждения связана с большими переменами.

Практика большинства пенитенциарных учреждений в мире (как для несовершеннолетних, так и для взрослых) такова, что за несколько месяцев до освобождения начинается интенсивная работа по подготовке осуждённого к этому событию, состоящая главным образом в даче ему советов и предоставлении иных форм моральной поддержки. Так, в миссурийской программе ещё до полного освобождения молодому человеку разрешается провести дома одну или несколько ночей. Кроме того, руководитель проекта встречается с родителями или попечителями освобождаемого и персоналом лагеря для обсуждения с ними плана работы с молодым человеком после его выхода из учреждения. Разумеется, этот план включает в себя продолжение образования, надзор и трудоустройство. В литературе особо отмечается помощь в трудоустройстве и адаптации в трудовом коллективе. Профилактическая работа после освобождения из лагеря предполагает частые контакты с пробационными служащими, программы лечения от зависимости или смену рода занятий¹.

Такое обращение имеет двоякое значение. С одной стороны, освобождённому предоставляется возможность улучшить своё материальное положение, а с другой – облегчается его адаптация к жизни вне учреждения. Всё вместе это снижает риск совершения нового преступления [19, str. 176].

Считается, что миссурийская модель в округе Санта-Клара реализуется вполне эффективно и служит положительным примером обращения с несовершеннолетними правонарушителями. Исследования показывают, что лишь 11 % несовершеннолетних, прошедших мис-

сурийскую программу в 1999 г., в течение последующего года были вновь задержаны или направлены в тюрьму для несовершеннолетних. В 2004 г. этот показатель был ещё ниже – 8 %. Долгосрочное исследование рецидива показало, что только 8 % несовершеннолетних, освобождённых в 1999 г., в течение трёх последующих лет вернулись в места лишения свободы, 19 % были осуждены условно, а 73 % не приговаривались ни к тюремному заключению, ни к пробации [20].

Несмотря на растущую популярность лагерей для несовершеннолетних, их деятельность вызывает горячие споры. Чаще всего ставится вопрос о том, насколько адекватно там обращаются с несовершеннолетними преступниками и как пребывание в подобных учреждениях влияет на личность подростков и их поведение.

Сторонники лагерей утверждают, что царящая там атмосфера воспитывает и изменяет характер. Вероятность стать жертвой конфликта между заключёнными в лагерях гораздо ниже, чем в обычных учреждениях. Военизированная структура развивает чувство товарищества и учит уважать старших и общество в целом. Помимо этого, в дискуссиях о лагерях для несовершеннолетних постоянно повторяются два аргумента в пользу их существования – это, во-первых, низкий уровень рецидива и, во-вторых, решение проблемы переполненности тюрем, а также дешевизна таких лагерей [4, p. 2].

Их противники доказывают, что конфронтационная среда внутри лагерей – нечто прямо противоположное тому, в чём нуждаются молодые люди. Большинству из содержащихся там несовершеннолетних не хватало нормальных межчеловеческих отношений и чувства поддержки ещё до попадания в лагерь, а потому на их воспитании вряд ли положительно скажется помещение в атмосферу ещё большей холодности и чёрствости. Утверждается, что порядок деятельности лагерей для несовершеннолетних не соответствует даже самым элементарным требованиям к организации терапии, а потому эти лагеря противны самому смыслу и задачам ювенального уголовного права, которое ставит заботу выше кары. Вызываемый у несовершеннолетних страх перед органами уголовно-исполнительной системы препятствует созданию благоприятных условий для терапевтической и воспитательной работы, ибо несовершеннолетние ещё больше утрачивают доверие к взрослым и их учреждениям. Наконец, структура лагеря не оставляет несовершеннолетнему пространства для того, чтобы познать самого себя и свои потребности. Как следствие, несовершеннолетние не предпринимают шагов к тому, чтобы стать лучше и навсегда порвать связи с криминалом [15, p. 2].

Эффективность институционального воздействия измеряется уровнем рецидивизма. Результаты исследований свидетельствуют, что независимо от того, в лагеря какого поколения направляются несовершеннолетние, этот показатель не улучшается по сравнению с традиционными учреждениями уголовно-исполнительной системы. Причин тому много. Одна

¹ Aftercare Program 2008 // Missouri Department of Social Service. Division of Youth Services. Режим доступа: <http://www.dss.mo.gov/dys/aft.htm> (дата обращения: 01.05.2015).

из них – короткие сроки пребывания в лагерях (в среднем – от 90 до 120 дней). Этого времени явно недостаточно, чтобы существенно снизить склонность к совершению преступлений. Кроме того, имеются проблемы с поддержкой после освобождения. Лагеря первого поколения вообще игнорировали этот аспект, а потому несовершеннолетним было трудно вновь интегрироваться в общество. В лагерях второго и третьего поколений вопросам реинтеграции уделялось определённое внимание, и это было связано с большим количеством правил и предписаний, нарушение которых автоматически означало нарушение условий программы и превращало несовершеннолетнего в рецидивиста. Относительно небольшая продолжительность пребывания в лагерях затрудняет проведение терапии, которая зачастую требует много времени. Исследования, однако, показывают, что лагерный опыт, хотя существенно и не влияет на вероятность рецидива, всё же меняет несовершеннолетних в лучшую сторону. Кроме того, персонал и сама атмосфера в лагерях намного лучше, чем в тюрьмах. Об этом свидетельствуют чрезвычайная насыщенность дня и физическое истощение заключённых [4, p. 7–8].

Наконец, когда мы говорим о сокращении «тюремного населения» и расходов на содержание тюрем, у нас нет доказательств того, что лагеря решают эти задачи. На первый взгляд, сокращённые сроки пребывания в лагерях должны разгрузить тюрьмы, но насколько эти цели достигаются – большой вопрос. Некоторые статистические данные показывают определённое сокращение числа заключённых, а некоторые – нет. Согласно результатам исследований, осуждённые, имея возможность выбирать между лагерем и тюрьмой, предпочитают первый вариант только в тех случаях, когда это связано с существенным сокращением срока наказания. Использование же лагерей вместо пробации может и вовсе обернуться увеличением фактических расходов [21; 22].

Хотя лагеря начиная с 2003 г. пользуются большой поддержкой правительства США, некоторые штаты их либо полностью ликвидировали, либо существенно сократили [23, p. 379].

Всё вышеизложенное представляет собой описание лишь самой концепции лагеря для несовершеннолетних, ибо каждое конкретное учреждение имеет свои особенности и приоритеты. Всем им свойственны военная структура, предназначенность лишь для определённой категории преступников, сравнительно краткие сроки содержания, физическое оздоровление и цель перевоспитания на основе авторитета.

Исправительные лагеря представляют собой благоприятную альтернативу исполнению лишения свободы

в обычном порядке. Возможности подобных учреждений используются и при исполнении пробации, когда приговором суда на осуждённого возлагается обязанность участвовать в программах исправительного лагеря [5, str. 59]. Принимая во внимание те соображения, по которым создавались такие заведения (неадекватность тюремного заключения несовершеннолетних, рост числа совершаемых ими преступлений и общественные требования более строгих наказаний), не исключено появление чего-то подобного и в нашем регионе. В любом случае нужно иметь в виду, что для снижения уровня рецидива и численности «тюремного населения» необходимо усиливать индивидуальные профилактические программы, предполагающие интенсивное наблюдение и трудоустройство после освобождения.

Особенно отличаются в положительном смысле лагеря второго и третьего поколений. Программы, предполагающие отучение от алкоголя и наркотиков, организующие учёбу и социальные тренинги и в особенности подразумевающие поддержку несовершеннолетних после лагеря, служат хорошим примером и вполне могли бы быть реализованы и у нас. Вместо доведённой до крайности военной дисциплины и интенсивных физических тренировок (что характерно для лагерей) следовало бы уделить больше внимания общественно полезному труду и охране природы. Благодаря трудотерапии несовершеннолетний приспособится к жизни на свободе и гораздо легче примет на себя ответственность за своё прежнее, нынешнее и будущее поведение.

Если бы подобная модель лагерей была предусмотрена в нашем уголовном праве, она могла бы применяться в качестве самостоятельной уголовной санкции, в порядке замены назначаемого несовершеннолетним тюремного заключения и в сочетании с тюремным заключением и другими санкциями, предусмотренными для этой категории лиц. С учётом того, что данная мера носит в основном институционализированный характер и подразумевает полную изоляцию несовершеннолетнего от среды, в которой он жил раньше, она могла бы стать в нашей правовой системе ещё одним видом наказания, который бы применялся к несовершеннолетним; соответственно, тюремное заключение перестало бы быть у нас единственным наказанием для несовершеннолетних, оставаясь и впредь последним средством реагирования на подростковую преступность, в то время как направление в исправительные (воспитательные) лагеря для несовершеннолетних имело бы более широкое применение.

Перевёл с сербского С. А. Силаев

Литература

1. Camp C. G., Camp G. M. The 2000 Corrections Yearbook: Adult corrections. Middletown, CT: Criminal Justice Institute, 2001. 238 p.
2. MacKenzie D. L., Styve G. J., Gover R. A. Performance based Standards for Juvenile Correction // Corrections Management Quarterly. 1998. № 2. P. 28–35.
3. Zörweg V. Jugendliche Straftäter und Opfer im Rechtsvergleich zwischen Österreich und den USA: Dissertation / Fakultät der Karl-Franzens-Universität Graz. Salzburg, 2008. 305 Bl.

4. Parent D. G. *Correctional Boot Camps: Lessons from a Decade of Research*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2003. 16 p.
5. Mrvić-Petrović N. *Alternativne krivične sankcije i postupci*. Beograd: Medija centar "Odbrana", 2010. 303 str.
6. Zachariah J. K. *An Overview of Boot Camp Goals, Components, and Results* // MacKenzie D. L., Herbert E. E. (eds.) *Correctional Boot Camp: A Tough Intermediate Sanction*. Washington, D.C.: National Institute of Justice, 1996. P. 17–39.
7. Levinson D. *Encyclopedia of Crime and Punishment*. London & New Delhi: Sage Publication, 2002. Vol. 1. XXXV, 462 p.
8. Burns J., Vito G. *An impact analysis of the Alabama boot camp program* // *Federal Probation*. 1995. № 59. P. 63–67.
9. Gover A. R. *The Influence of Child Maltreatment on Juveniles' Psychological Adjustment within Correctional Institutions: Dissertation / Faculty of the Graduate School of the University of Maryland*. College Park, 2000. VIII, 238 p.
10. Nieto M. *County Probation Camps and Ranches for Juvenile Offenders*. Sacramento, CA: California Research Bureau, 2008. 54 p.
11. MacKenzie D., Piquero A. *The impact of shock incarceration programs on prison crowding* // *Crime and Delinquency*. 1994. Vol. 40. № 2. P. 222–249.
12. MacKenzie D. *Boot Camp Prisons in 1993* // *National Institute of Justice Journal*. 1993. № 227. P. 21–28.
13. Sechrest D. *Prison «boot camps» do not measure up* // *Federal probation*. 1989. Vol. 53. № 3. P. 15–20.
14. Kadden R. M. *Cognitive-Behavior Therapy for Substance Dependence: Coping-Skills Training*. Chicago: Illinois Department of Human Services, Office of Alcoholism and Substance Abuse, 2000. 28 p.
15. MacKenzie D. L., Gover A. R., Styve G. A., Mitchell A. O. *A National Study Comparing the Environments of Boot Camps With Traditional Facilities for Juvenile Offenders*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2001. 12 p.
16. Peterson J. *A Blueprint for Juvenile Justice Reform*. Chicago: Youth Transition Funders Group, 2006. Режим доступа: http://www.ytfg.org/wp-content/uploads/2015/02/Blueprint_JJReform.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
17. Vestal C. *States Adopt Missouri Youth Justice Model (March 7, 2008)*. Режим доступа: <http://www.pewstates.org/projects/stateline/headlines/states-adopt-missouri-youth-justice-model> (дата обращения: 01.05.2015).
18. Soković S. *Izvršenje krivičnih sankcija*. Kragujevac: Pravni fakultet, 2003. IV, 139 str.
19. Ignjatović Đ. *Kriminologija*. 11 izm. izd. Beograd: Dosije studio, 2011. 274 str.
20. McGarvey A. *A Culture of Caring* // *The American Prospect*. 12.09.2005.
21. Morash M., Rucker L. *A Critical Look at the Idea of Boot Camp as a Correctional Reform* // *Crime and Delinquency*. 1990. № 36. P. 204–222.
22. Peters M. *Boot Camps for Juvenile Offenders*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1997. 41 p.
23. Conklin J. E. *Criminology*. 8th ed. Boston: Pearson, Allyn and Bacon, 2004. 512 p.

CORRECTIONAL BOOT CAMPS AND OTHER SPECIAL INSTITUTIONS FOR JUVENILES

Nikolina Grbić-Pavlović¹.@

¹ Administration for Police Training, The Republic of Srpska Ministry of the Interior, 10a, Bulevar Vojvode Živojina Mišića, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina, 78000
@nikolinagrbić@blic.net

Received 16.05.2018. Accepted 29.06.2018.

Keywords: boot camps, juvenile delinquents, Californian models.

Abstract: The paper is devoted to North-American experience of treatment of juvenile delinquents in correctional boot camps. In these special institutions, adolescents are exposed to military style individual programs implying strict discipline, rigorous exercises and hard work. Such approach to young offenders is very popular both among politicians and in the community. The particular attention is paid to the probation camps and ranchos functioning in the State of California. On the example of the separate closed institutions for juvenile offenders, specific features of the main models of camps (i.e. Conventional Model, Wilderness Model, military-style boot camps, and Missouri Model) are shown in respect of treatment regime established in them and different measures of educational, therapeutic, rehabilitation, cultural, recreational or similar nature. The arguments of both supporters and opponents of the boot camps system, as an alternative to imprisonment, are presented. Some legislative measures are proposed to improve juvenile criminal law in Bosnia and Herzegovina, including introduction of placement to specialised closed institution as the alternative punishment for juvenile delinquents taking into consideration both positive North-American experience and regional specifics of the Western Balkans.

For citation: Grbić-Pavlović N. Ispravitel'nye lageria i inye spetsial'nye uchrezhdeniia dlia nesovershennoletnikh [Correctional Boot Camps and Other Special Institutions for Juveniles]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2018): 77–85.

References

1. Camp C. G., Camp G. M. *The 2000 Corrections Yearbook: Adult corrections*. Middletown, CT: Criminal Justice Institute, 2001, 238.
2. MacKenzie D. L., Styve G. J., Gover R. A. Performance based Standards for Juvenile Correction. *Corrections Management Quarterly*, no. 2 (1998): 28–35.
3. Zörweg V. *Jugendliche Straftäter und Opfer im Rechtsvergleich zwischen Österreich und den USA*. Dissertation. Fakultät der Karl-Franzens-Universität Graz. Salzburg, 2008, 305.
4. Parent D. G. *Correctional Boot Camps: Lessons from a Decade of Research*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2003, 16.
5. Mrvić-Petrović N. *Alternativne krivične sankcije i postupci*. Beograd: Medija centar "Odbrana", 2010, 303.
6. Zachariah J. K. An Overview of Boot Camp Goals, Components, and Results. *Correctional Boot Camp: A Tough Intermediate Sanction*. Eds. MacKenzie D. L., Herbert E. E. Washington, D.C.: National Institute of Justice, 1996, 17–39.
7. Levinson D. *Encyclopedia of Crime and Punishment*. London & New Delhi: Sage Publication, vol. 1 (2002): XXXV, 462.
8. Burns J., Vito G. An impact analysis of the Alabama boot camp program. *Federal Probation*, no. 59 (1995): 63–67.
9. Gover A. R. *The Influence of Child Maltreatment on Juveniles' Psychological Adjustment within Correctional Institutions*. Dissertation. Faculty of the Graduate School of the University of Maryland. College Park, 2000, VIII+238.
10. Nieto M. *County Probation Camps and Ranches for Juvenile Offenders*. Sacramento, CA: California Research Bureau, 2008, 54.
11. MacKenzie D., Piquero A. The impact of shock incarceration programs on prison crowding. *Crime and Delinquency*, 40, no. 2 (1994): 222–249.
12. MacKenzie D. Boot Camp Prisons in 1993. *National Institute of Justice Journal*, no. 227 (1993): 21–28.
13. Sechrest D. Prison "boot camps" do not measure up. *Federal probation*, 53, no. 3 (1989): 15–20.
14. Kadden R. M. *Cognitive-Behavior Therapy for Substance Dependence: Coping-Skills Training*. Chicago: Illinois Department of Human Services, Office of Alcoholism and Substance Abuse, 2000, 28.
15. MacKenzie D. L., Gover A. R., Styve G. A., Mitchell A. O. *A National Study Comparing the Environments of Boot Camps With Traditional Facilities for Juvenile Offenders*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, 2001, 12.
16. Peterson J. *A Blueprint for Juvenile Justice Reform*. Chicago: Youth Transition Funders Group, 2006. Available at: www.zellerbachfamilyfoundation.org/pdfs/juvenile_justice.pdf (accessed 01.05.2015).
17. Vestal C. *States Adopt Missouri Youth Justice Model (March 7, 2008)*. Available at: <http://www.pewstates.org/projects/stateline/headlines/states-adopt-missouri-youth-justice-model> (accessed 01.05.2015).
18. Soković S. *Izvršenje krivičnih sankcija*. Kragujevac: Pravni fakultet, 2003, IV+139.
19. Ignjatović Đ. *Kriminologija*. 11th ed. Beograd: Dosije studio, 2011, 274.
20. McGarvey A. A Culture of Caring. *The American Prospect*, 12.09.2005.
21. Morash M., Rucker L. A Critical Look at the Idea of Boot Camp as a Correctional Reform. *Crime and Delinquency*, no. 36 (1990): 204–222.
22. Peters M. *Boot Camps for Juvenile Offenders*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1997, 41.
23. Conklin J. E. *Criminology*. 8th ed. Boston: Pearson, Allyn and Bacon, 2004, 512.